

П. Ф. Дик

P. F. Dik

Образовательная ценность творческого мышления в классической немецкой философии

Educational value of creative thinking in classical German philosophy

Аннотация. Представлена авторская интерпретация идей классической немецкой философии об образовательной ценности творческого мышления.

Abstract. The article presents the author's interpretation of the ideas of classical German philosophy about the educational value of creative thinking.

Ключевые слова: духовное образование, духовный подъем, творческое мышление, ценность, самостоятельность.

Keywords: spiritual education, spiritual growth, creative thinking, value, self-determination.

Попробуем следовать духу и методу Э. В. Ильенкова в осмыслении некоторых освященных временем принципов гуманитарного образования путем обращения к актуальным идеям классической немецкой философии как части общего конструктивного достояния человечества.

Системное выдавливание гуманитарной составляющей образования, как количественно, так и качественно, в угоду якобы реальной, прагматической подготовке детей к жизни в условиях линейно понятого прогресса-машины привело человечество в очевидный для большинства людей тупик, который, возможно, есть лишь видимая часть культурного айсберга всечеловеческой катастрофы. На деле получилось неэффективное механическое образование, которое не изменить благозвучной терминологией поверхностных «образовательных технологий». Сроки обучения детей и молодежи увеличиваются, нагрузка на каждого обучающегося растет, а действительные результаты образования и воспитания все более тревожные. Параметры позитивной активности уменьшаются, пределы культурной приспособляемости воспитанников сужаются, а степень нестабильности психики растущего индивида становится социально-культурной, антропологической проблемой планетарного масштаба.

В сознании саднит гвоздящая досада при мысли о том, что поколение первой трети двадцатого века в своей «семилетке» получало более совершенное образование, чем поколение конца прошлого – начала нынешнего столетия за временной срок вдвое, а то и втрое больший. Митрофанушка, символ духовно-интеллектуального убожества в классово-школьной версии советской словесности, доморощенным обоснованием показывающий, по Гегелю, предрассудки ложно понятого «самостоятельного мышления», на этом фоне сравнительно успешно образован для предстоящей жизни.

Правомерно возводя один из истоков своей духовной культуры «к грекам», сегодня мы мечемся – не только в чувствах, идеях и понятиях, но и в терминах – между почти недоступными нам твердынями духовности, нравственности, религиозности, соборности, народности, человечности, гражданственности. Можно ли представить культуру, цивилизацию Западной Европы, латынь без греческой культуры, языка? Сколько отечественных специалистов современности с высшим гуманитарным образованием безошибочно распознает греческие буквы? Не на греческой ли школьной философии стояла оригинальная русская философия, включая гений В. С. Соловьева? Быть может, русский интеллигент позапрошлого века владел в достаточной для самостоятельного философствования степени двумя-тремя европейскими языками потому, что в гимназии основательно изучал грамматику мертвых языков? Не это ли духовно-гуманитарное образование обусловило личность, метод и притягательность языка Л. Н. Гумилева, последнего представителя некогда мощной благодаря своему единству русско-евразийской культуры? Возможно ли чувствование, выявление исконной силы философской составляющей русского языка в его манящих филологических глубинах, если он усвоен в виде школьных схем, да еще в угоду предстоящему тестированию?

Не потому ли многие значения слова «русский» в практике общения прошлого века постепенно утрачивали консолидирующий смысл, сводились к локально-этническому обозначению, порой с оттенком уничижения и пренебрежения, непримиримо враждебных групп? Не из-за страха ли перед живой сложностью духа *всеевразийской* «русскости» этот глубинный смысл оттеснялся, изолировался и подменялся локальной прямокой идеологемы «советский» – единственного значения богатейшего слова «совет»?

Классическое наследие, по Гегелю, имеет то преимущество в образовании, что поверхностной мысли реформировать (устранить или внедрить

нечто) классика противопоставляет требование всегда *сохранять* основу. Мудрость, полагает философ, заключается в исполнении требования времени: подлинный реформатор «...*ставит старое в новое отношение к целому и, таким образом, столь же сохраняет существенное, сколь изменяет и обновляет его*» [1, с. 399]. Механическому пониманию односторонности, приводящей к поверхностности, философ противопоставляет суть бытия органической системы, в которой все есть лишь часть одного целого и где развитие части в своей обособленности становится *нечто* и потому обретает глубину и многосторонность. Духу свойственно, утверждает философ, *преобразовывать* механически-сырую чуждость в одухотворенное собственное состояние. Деятельность духа может развиваться на любом материале, несущем в себе единство упражнения и воспитания. Полезный материал должен иметь духовную ценность, чтобы стать сердцевинной души и духа, обеспечить основу высшей и всеобщей пригодности у молодых людей всех сословий. Полезность не есть голый практицизм. Гегель следует аристотелевской традиции приоритета в развитии личности свободной науки (или науки ради познания) как основы и смысла гуманитарного знания и образования.

Подлинное образование, по Гегелю, не «дурная бесконечность» линейного наращивания цепи по сути разнородного знания, а изменение, *переформирование* прежнего материала в процессе работы над ним. Чтобы успешно избежать болезненного страдания личности от действительного отчуждения, воспитатель должен прибегнуть к отчуждению посредством теоретического образования, т. е. к отчуждению-прививке как условию бытия теоретического образования, для усвоения его и потому полноценного вхождения воспитанника в реальную «взрослую» жизнь. Естественное для молодежи стремление к поиску новизны путем удаления от привычного, «старого» мыслитель требует *умело преобразовать* в формальное отделение от своей «природности» для истинного возвращения к себе посредством погружения в «мир и язык древних» [1, с. 406]. Гегель так обосновывает необходимость изучения грамматики как высокоценного начала логического образования: в категориях грамматики «начинает изучаться сам рассудок» [1, с. 406]. Мыслитель вспоминает образовательный эффект теологического семинара, благодаря активному участию в котором он за два года, начиная с двенадцатилетнего возраста, прочно усвоил умозаключения на всю последующую жизнь.

Не пора ли осмыслить «мир и язык древних»? Нужны не схоластика фактов о якобы всем мире из частных «наук», не бестолковое пожизненное «изучение» родного языка, дополняемое постановкой произношения группы слов «по-английски», а «грамматическое» изучение мира в целом через язык и основы языка человека через его мир.

Как это возможно? По Гегелю, посредством преодоления предрассудка якобы самостоятельного мышления, предрассудка «...не только философского образования, но и педагогики – и здесь он нашел более широкое распространение» [1, с. 422]. По мнению мыслителя, общее заблуждение – считать *самостоятельной* мысль по критерию ее *отклонения* от мыслей других людей. Не педагогика как таковая, не образование, лишь именующее себя древним словом «философия», обеспечивают подлинно гуманистическое образование. «Философия становится более пригодной для обучения благодаря своей определенности, поскольку лишь в результате этого она становится *ясной, пригодной для передачи* другим и получает *способность* стать *общим достоянием*» [1, с. 423].

Что предлагает Гегель? Философия как наука и как подведение к положительным наукам перспективнее филологии. Философия в деле развития мышления может быть эффективнее математики. Философия может и должна давать образование и развивать мышление, если смеет и сумеет освободиться «...от фантастического благодаря определенности понятий и последовательному методическому пути» [1, с. 424]. Философия для нужд эффективного образования делится мыслителем на три части: абстрактное он относит к собственно логике, а конкретное делит между натурфилософией и философией духа. Приоритетная, по Гегелю, философия духа включает психологию с антропологией, учения о праве и учения об обязанностях, эстетику и философию религии. Историю философии мыслитель относит к натурфилософии и философии духа.

Философия способна обеспечить *духовный подъем* народа в философском смысле, ибо высокие идеи не утвердить фантазией и смутными понятиями. Философия не оправдает ожиданий, если будет лишь изложением различных наук. Осуществление в подлинном образовании уникальности философии и философствования возможно исполнением *дела философии*. «Сделать содержательное доступным для понимания, охватить его определенными мыслями, понять и уберечь тем самым от печальных заблуждений должно быть делом философии» [1, с. 424].

Публичная власть в первую очередь хочет видеть *полезность* философии в функции ограждения от печальных заблуждений времени. Правда, истолкование ключевых понятий «доступность для понимания», «охват определенными мыслями», «понимание и сбережение», «печальные заблуждения» может быть различным. Поэтому структуры *временной* публичной власти заинтересованы в сотрудничестве с теми лидерами и организациями, которые берутся инструментально объяснить и, главное, обещают разрешить наконец указанные проблемы. Такой власти нужны не столько самостоятельные философы *вечности*, сколько конкретные лица – философствующие идеологи, понятные власти и потому доверенные люди, представляющие дружественную подконтрольную организацию с определенными функциями. Наверное, поэтому поле философии в структуре образования прошлого и особенно современности неуклонно сужается в пользу сиюминутно «актуальных» спецкурсов по злободневным проблемам. Здесь *говорение* о проблеме принято воспринимать как акт действительного ее *разрешения*. Соответственно в органическое образование личности привносится освященная магия утвержденного свыше слова – пропаганда якобы актуальных проблем, подменяющая трудное познание подлинной глубины определенных понятий доступной яркостью поверхностного разъяснения одним предписанным способом, идущим от способа функционирования, бытия пропагандистской части современного аппарата публичной власти. Структуры пропаганды поддерживают стихию «нормы» и потому объективно компрометируют содержание идеологизированных дисциплин вместе с пропагандистами, а значит, и личность гуманитария, ценность гуманитарного образования, гуманитарного знания-веры в целом.

Понимание указанной реальности позволяет подлинному философу действовать разумно, с учетом конкретных обстоятельств, по возможности результативно. Гегель оставил нам пример изысканного мастерства продуктивного взаимодействия личности *ответственного доверенного* философа с исполнительной властью в сфере народного образования. Рекомендую уполномоченному лицу конкретную форму теологического семинара, он обосновывает свои предложения полезностью этого семинара для развития «собственного мышления» и предотвращения того, что «...по праву желает избежать Королевское министерство, а именно, чтобы занятия философией в гимназии выродились в пустой формализм или вышли за пределы школьного обучения» [1, с. 571–572].

Реальное могущество *духовного подъема* в потенциале философии показывает и осуществляет И. Г. Фихте. По мнению мыслителя, предпосылка *нового* воспитания состоит в признании коренной склонности человека к добру и возможности развития его до подлинно гуманистического уровня, до достижения человечеством состояния со-творения *познанного* добрым, когда станет невозможным делать познанное злым [2, с. 104].

Полемизируя с тезисом новейшей педагогики, Фихте различает декларируемое отвращение к механическому заучиванию и фактическое заучивание, еще более опасное тем, что немыслящему воспитаннику внушают видимость мышления. Это ново-старое обучение по-прежнему опирается на веру в существующий порядок вещей и направлено на запоминание, т. е. подчиняет способность памяти вещам. Новое воспитание, по Фихте, во главу угла ставит познание законов деятельности, обуславливающих духовную деятельность. По сути, новое обучение есть интенсивный метод гуманитарного образования, есть способ подлинного образования личности. «Для этого воспитания с самого начала возникает тем самым поистине превышающее всякий опыт сверхчувственное, строго необходимое и всеобщее познание, которое уже с самого начала охватывает собой впоследствии весь возможный опыт» [2, с. 80]. Воспитанник учится ценить свою жизнь как вечное звено духовной жизни. По Фихте, это преодоление религии эгоизма, развитие в направлении к *истинной* религии, для которой вечность настает не за гробом, а «посреди ее современности» [2, с. 92]. Религия как исторически наличествующая реальность практична в испорченном обществе; здесь она действует как движущий мотив к созиданию благоустроенного общества, как способ сохранять достигнутое от варварского разрушения и потому продолжать направленное созидание общества и личности. *Истинная* нравственность, полагает философ, есть исключительно самопознание человека, приносящее ему полное единство с самим собой, поэтому она органично действует в благоустроенном обществе. Истинная нравственность как основная ценность и есть то высшее устремление, которое можно обозначить словом «религия».

Новое воспитание есть «...искусство целиком и полностью образовывать человека в человеке» [2, с. 95]. Воспитание должно стремиться к ясности рассудка и чистоте воли [2, с. 96]. Побуждение, лежащее в основании жизни человека, ведет к образованию людей двух противоположных родов. Людями обоих родов движет любовь, проявляющаяся по-разному.

Постижение побуждения в себе посредством *необходимого мышления* происходит двумя способами в соответствии с двумя основными типами сознания («смутное чувство» и «ясное познание»). «Смутное чувство» есть чувственный эгоизм. Второй тип сознания, в отличие от первого, не развивается самостоятельно, а должен всемерно поддерживаться в обществе. «Ясное познание» есть стремление человека к должному миру, к вечно будущему миру. Это стремление – божественная жизнь. Посредством осознанного искусства воспитания станет правилом новый тип людей, а также новое творение. На смену случайному развитию человечества придет осознанное и свободное развитие – созидание себя тем, чем должно стать. Должно стать *единством* мира духовных существ.

Фихте полагает, что современное ему человечество способно начать переход ко второй основной эпохе планетарного бытия. Философ считает, что в первую очередь от немцев можно и нужно «...требовать начать новое время, предшествуя и подавая пример всем остальным» [2, с. 102].

«Ясное познание» формируется новой философией, а не прежней с ее бесплодными проповедями. Чем же философия Фихте отличается от философии предшествующей? Прежняя философия вневременная, она – предвосхищение грядущего поколения. Новое воспитание, по Фихте, есть одновременно воспитание в духе новой философии, которая обретает средства прикосновения к действительной жизни, жизни во времени и языке, языке живом и мертвом. «Таким образом... духовное образование, а здесь, в особенности, мышление, в изначальном языке не влияет на жизнь, но есть сама жизнь так мыслящего» [2, с. 134]. Как мышление на уровне разума философия легко справилась с критикой здравого рассудка исторической религии, за что философа уравнивали с атеистом и неверующим. Самостоятельный дух не довольствуется верой в чужой авторитет; он ищет сверхчувственное в разуме и потому создает собственно философию. Философия есть свободное и самостоятельное мышление, уверенно заявляет мыслитель.

Фихте утверждает органичную, живительную, взаимно необходимую связь искусства воспитания и философии. Одно без другого неполно, нежизненно и неприменимо. Без совершенного воспитания человека, личности философия не найдет широкого понимания и *применения* в жизни, а без философии искусство воспитания не постигнет себя, не станет *ясным* себе. «Только та нация, которая сначала решит путем действительного осуществления задачу воспитания совершенного человека, сможет затем создать и совершенное государство» [2, с. 160].

Ученый как воплощение типа сознания «ясное познание» должен опережать современность посредством понятия, должен уметь схватывать будущее и прививать его к настоящему для последующего развития. Для этого, по Фихте, ему необходимы ясное видение предшествующего мира, свободная способность к чистому мышлению и совершенное владение языком для общения. Эти качества воспитываются благодаря обязательной основе – духовной самостоятельности и одинокому размышлению. Духовная самостоятельность, включающая гражданскую ответственность, труд одинокого размышления и есть работа, призвание, бытие ученого.

Выступая за единение человечества на принципах нового воспитания, Фихте предлагает выверенный масштаб подлинного величия: «...велико только то, что способно на идеи, всегда приносящие народам исключительно благо, и воодушевлено ими; ну а суждение о живых предоставим суду потомков!» [2, с. 315]. От каждого человека требуется жизненно важное решение *осмысленно действовать* для достижения своей цели, показать себе свою собственную суть. Философствующий гражданин, гуманист Фихте поднимает пламенным словом народ, все человечество к созиданию вечного единения. Возможно, современное поколение живущих людей – последнее, которое может осуществить великое изменение! Слушайте и учитесь тому, чего вы не знаете, постигайте основательное мышление и науку! Будете мыслить согласно, обретете дух – возникнут единые души и согласие! «Вот что должны Вы делать; эти речи заклинаят Вас сделать это без промедления» [2, с. 324].

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 томах / Г. В. Ф. Гегель; сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги. Москва: Мысль, 1970. Т. 1. 668 с.
2. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / И. Г. Фихте; пер. А. А. Иваненко. Санкт-Петербург: Наука, 2009. 349 с.